

Булат Окуджава: Rome правда — 1999 — 31 мая — С. 11
ВСПОМНИТЕ О ТАКИХ ПОНЯТИЯХ, Kak YECTЬ, BEPHOCTЬ CNOBY, БПАГОРОДСТВО...

Неизвестное интервью известного барда

9 мая Булату Окуджаве исполнилось бы 75 лет. А в 1982-м ему было всего 58. Тогда я, студентка филфака Горьковского университета, приехала на практику в Москву со строгим назом научного руководителя - непременно по-ывать у Окуджавы.

Тема моей дипломной работы звучала так: «Произведения Булата Окуджавы на историческую тему («Бедный Авросимов» и «Путешествие дилетантов»)». Критика в то время сломала много копий вокруг вопроса, следует ли считать Окуджаву историческим романистом, да так и не пришла к единому мнению.

К нему невозможно было прийти - верный себе Булат Шалвович вновь создал совершенно особый жанр. «Были дали голубы, было вымысла в избытке, и из собственной судьбы я выдергивал по нитке. В путь героев снаряжал, наводил о прошлом справки и поручиком в отставке сам себя воображал...» - это о «Путешествии

С Окуджавой я встретилась. Его квартира в Безбожном переулке, в которой век двадцатый причудливо переплетался с девятнадцатым, и сам хозяин повергли меня в благоговейный трепет. Я краснела, бледнела, но интервью все же записала. Оно перед вами - с незначительными сокращениями. На мой взгляд, прошедшие годы убсолютно не отразились на его актуальности.

- Булат Шалвович, как вы относитесь к литературному званию «исторический романист»

- Я не считаю себя историческим романистом. У нас существует твердое убеждение, что есть историческая проза. Но попробуем вдуматься: разве Лев Толстой - исторический Нет, он просто очень хороший писатель. Сто, двести, триста лет - это так немного для человеческого общества... Меняются экипажи, моды, а психология практически остается неизменной. Герой 150-летней давности такой же человек, как и любой из наших современников. А для того чтобы изучить душу человека, нужно присутствие автора. Это предопределяет неизбежность субъективной оценки изображаемого (Толстой есть в «Войне и мире» в любом герое). Поэтому есть, наверное, специфическая историческая проза, но я себя к ней не причисляю. Я изучаю эпоху, но рассказываю с помощью тех образов о себе.

Чем вам близок именно девятнадцатый

- Девятнадцатый век мне симпатичен. Я бы хотел там жить. Наше стремительное время меня не устраивает. До середины девятнадцатого века жизнь развивалась как-то более натурально, была спокойнее, стабильнее. Вспомните, например, об умении писать письма. В наши дни, в век телефонов, самолетов, телевизоров, люди разучились писать настоящие письма, превратили их в короткие сообщения, в которых доминирует слово «нормально». А раньше? По письмам, которые писали в девятнадцатом веке, мы можем судить о психологии людей. Мне думается, нравственность была выше (конечно, в определенных слоях). Это основано было на религии, на дворянской культуре. Вспомните о таких понятиях, как честь, верность слову, благородство...

- У вас совсем нет произведений о современности...

- Я не умею писать о настоящем. Мне нужно оглядеться, осмотреться, увидеть прошлое издали, с какой-то новой ступени, произвести своеобразную переоценку ценностей. Мои произведения о войне написаны много лет спустя после ее окончания. И вот что парадоксально, а может быть, закономерно: спустя определенный промежуток времени память подсказывает такие подробности, которые непосредственно после свершившегося начисто забываются. Приведу высказывание одного историка: «Будушее для фантастов, а все остальное - история». Ведь что значит современность? Каждую минуту чтото безвозвратно уходит в прошлое и, значит, становится частицей истории, будь то история государства или история частной жизни обыкновенного человека.

- Почему вы избираете героями своих произведений «маленьких людей»?

Великие люди всегда в глубине души догадываются о том, что они великие. А «маленькие люди» живут натуральной жизнью. Это меня и привлекает.

- Однако в романе «Путешествие дилетантов» значительное место занимает фигура Николая І. Как вам давался этот образ?

Я попробовал поставить себя на его мес-Молодой человек, совершенно неожиданно оказавшийся во главе государства. И вдруг - восстание. О чем он думает? Надо подавить восстание, чтобы спастись самому. Россия - понятие десятое. Николай I напуган, и однозначное решение полностью обосновано - с чисто человеческих позиций и по его законам. Сознательно зла России он не желал. Он желал добра, но по-своему. Он наделен властью и должен ею распоряжаться. Николай - нормальный человек, но вынужден творить зло. Кто виноват? Не Николай конкретно. Есть исторический процесс, маховое колесо, в котором все крутятся. Обстоятельства, жизнь, уровень развития виноваты. Хотя я не оправдываю его и не сваливаю все на обстоятельства. Вина Николая в том, что он не усомнился в своей правоте. Я не люблю несомневающихся людей. Прежде чем облагодетельствовать соседа, подумайте, нужно ли ему это. А Николай был уверен, что России нужно его добро. Обычно суждения подобного рода встречаются у людей невежественных. Умение сомневаться, иронически относиться к самому себе - великое благо. У Николая этого умения не было. Отсюда - его жестокость, безмерное самолюбие и горькие ошибки, за которые расплачивались лучшие люди России.....

Наталия ЛИСИЦЫНА. (Наш соб. корр.).

Нижний Новгород.

Так выглядит сегодня тот самый знаменитый арбатский дворик, воспетый в песнях Окуджавы. Теперь здесь явно не до песен...

